

Сегодня
в Щукинском
Купе...

АРКАДИЙ РАЙКИН

Рассказывают, что это было давно. Но это было. Когда темный морозный вечер опрокинулся на город, у стен Центрального дома культуры железнодорожников в Москве, пугливо озираясь, появился неизвестный. Лихорадочно перебирая руками по обледеневшим ступеням пожарной лестницы, он быстро вскарабкался на крышу дома. Проникнув на чердак, неизвестный открыл наизусть дверь, и яркий свет прожекторов ослепил его. Внизу, метрах в десяти сверкала сцена, внизу дружно хохотал зрительный зал, а человек стоял на колосниках, и блаженная улыбка расплывалась по его лицу. Он достиг цели.

Когда неизвестного привели в комнату милиции, он признался во всем. И что приехал издалека, и что честно стоял несколько дней у окошка кассы, и что, только в конце отчаявшись, решил на это. А как же иначе попасть на... Райкина! И человека даже не оштрафовали. Ему госочувствовали и отпустили с миром. А на следующий день он сидел в первом ряду.

Рассказывают, что это было давно. Но это было. Потому что вот уже много лет, где бы ни выступал народный артист СССР Аркадий Райкин, стоят у подъездов театров жаждущие лишнего билета. А их нет и нет. Но сегодня билетов не надо. Сегодня Райкин — гость нашего «купе».

Вот, наверное, сейчас вы прочли: «Райкин» и уже заулыбались. Зря. Потому что речь в нашем «купе» пойдет сегодня о вещах достаточно серьезных. О том, что составляет смысл жизни и смысл работы Аркадия Райкина.

— Аркадий Исакович, вам никогда не приходилось жалеть о том, что вы не стали драматическим актером?

— А почему я должен жалеть? Наоборот. Ну, скажите, где бы я мог сыграть одновременно и Плюшкина, и Собакевича, и Манилова, и Ноздрева. Нигде. Причем сыграть не просто классические персонажи, а показать Ноздрева — современным, Плюшкина — сегодняшним. А в нашем театре миниатюр это возможно. Это даже просто необходимо. Я бесконечно влюблен в настоящую драму, трагедию. Но, честное слово, наш, сатирический жанр, считаю необычайно важным.

Сатира — оружие огромной силы. Поэтому обращаться с ним надо по-умному, помня о гигантской ответственности за каждое слово, сказанное с эстрады. Сатирик прежде всего пропагандист хорошего, доброго, настоящего. Всякая критика, говорил Владимир Ильич Ленин, не несущая в своей основе позитивного начала, есть критиканство, вредное для строительства социалистического общества.

Вот почему мы все долж-

ны уметь увидеть плохое с позиций передового человека. разглядеть в пестроте жизненных явлений основные черты, определяющие правду, добро. И обязательно докопаться до самого корня зла.

— Я понимаю, вы не ставите перед собой задачу покарать стрелой сатиры какого-то определенного халтурщика, бюрократа. И все же были ли случаи, когда эта стрела попала точно в конкретную цель?

— Были. Случаи самые необыкновенные. Однажды в нашем спектакле шла речь о плохом качестве обуви. Приехали на гастроли в Киев. Проходит недели две, и вдруг звонок: товарищ Райкин? Говорят с обувной фабрики № 6. Просим вас прийти на совещание. А в спектакле тоже речь идет о фабрике № 6. Другой, несуществующей, выдуманной автором. Но прихожу на совещание. «Товарищ Райкин, критика была правильной, и вот сейчас разрабатываем новые фасоны, улучшаем качество».

Или другой пример: мы говорили о необходимости прививать и развивать вкус с самого детства. И в Ленинграде вместо рецензии на спектакль в городской

газете появилась передовая, поднимающая проблемы выпуска красивых детских игрушек, красивой детской одежды. И эта передовая была для нас дороже самых похвальных рецензий. Для меня нет большей радости, если театр подготовит действительно острую, нужную, злободневную программу. Если проблема, поднятая на сцене, решается в жизни.

Помню, на одном очень торжественном концерте я читал монолог о плохих связях между школой, институтом и заводом. Сейчас он уже не звучит. В программе «Волшебники живут рядом» у нас была миниатюра о председателе колхоза — пьянице и бюрократе. И ей уже не суждено жить на сцене. Изменилась колхозная деревня... И я каждый раз необычайно радуюсь такому репертуарным потерям.

— Аркадий Исакович, поклонники вашего таланта живут всюду, во всех городах страны. И с нетерпением ждут, что когда-нибудь ваш театр приедет к ним на гастроли. Увы, ждут очень давно и терпеливо. Конечно, спасибо телевидению... но...

— Но лучше воочию. А то же спорит. Мы в неоплатном долгу перед теми, к кому так ни разу и не приехали.

Но поймите и нас: театр очень часто в зарубежных гастроях: то в Венгрии, то в Польше, то в Англии, то в Румынии. И представлять советское искусство за границей — это тоже очень почетно и ответственно. Но что значит поехать зарубеж. Это значит — в Англии мы должны играть на английском, в Венгрии — на венгерском, в Румынии — на румынском. То есть, помимо русской программы, театр должен подготовить по сути дела три новые. Мы и готовили — чуть ли не по году. Я не оправдываюсь. Я просто объясняю. На все нужно время. А где его взять? Оно не деньги — не одолжишь.

И все же я искренне надеюсь побывать еще во многих городах страны.

— Ваши самые злейшие враги?

— Невежество, ханжество, ложь.

— А друзья?

— Честность, отзывчивость, настоящая интеллигентность. Только учтите, институтский диплом еще не доказательство интеллигентности. Хам с дипломом все равно — хам.

— Это очень трудно: быть артистом-сатириком?

— Трудно... не то слово. Впрочем, любой путь в искусстве — не асфальтовое шоссе. И не усеян он розами. Откуда берутся силы? Прежде всего — из зрительного зала. Чуткий, понимающий зритель способен вдохновить актера на подвиг. Непонимающий — убить. Я не представляю себе, как можно играть для пустого или равнодушного зала. Но когда зритель доброжелателен, вот тогда-то и появляются у артиста и вдохновение, и темперамент.

Однажды я должен был поехать в Западный Берлин на международный фестиваль пантомимы, выступить с докладом, прочитать лекцию. Но вдруг в Берлине наш посол говорит: «Там будет концерт. Первое отделение — Марсель Марсо, второе — вы».

Приезжаю в Западный Берлин. Встречают приветливо, ласково, а президент академии искусств берет под руку и так вкрадчиво говорит: «Мы с вашего разрешения продали в течение часа билеты на один спектакль, а без вашего — на другой». Дурно мне сле-

далось: «Какой, спрашиваю, спектакль?». «Ваш, — отвечает, — в двух отделениях. Завтра».

В любой другой момент это было бы nonsensical. Дать одному два спектакля в течение дня и безо всякой подготовки. Но концерты состоялись. Потом Марсель Марсо, смеясь, говорил мне: «Ты ходил за кулисами бледный, как мертвец, и все что-то шептал, шептал и ничего не слышал». А я, признаться, и не помнил, как себя вел, что делал. Лишь огромное нервное напряжение — и все.

Вот какие минуты переживают актеры. Но публика о них не ведает. Разве увидишь через бархат занавеса, как, закончив номер, стоит за кулисами Райкин и жадно глотает воздух. Как держится он за занавес и за сердце. Как порой это сердце, переполненное трудом, устает до невозможности. Но рукоплещет зал, и он снова на сцене. И снова, и снова.

— За свою долгую жизнь на эстраде вы сыграли множество спектаклей. Какой из них кажется вам наиболее удачным?

— Будущий. Как ни банален ответ, но будущий. Он у меня еще впереди: самый значительный и интересный спектакль. Главное — нужно жить жизнью своей страны, главное — поднимать темы, действительно нужные народу и партии, темы актуальные. Знаете, как пишут в капиталистической прессе о нашем театре: «Пороки, о которых говорят артисты, существуют и у нас. Только советские люди с ними борются беспощадно, до полного уничтожения, а мы проходим мимо».

Мне жаль прощаться со спектаклем. Сколько сил, сколько здоровья вкладываешь в каждый. Но я с превеликой радостью, вообще брошу свою профессию, когда все вредное, мешающее навсегда исчезнет из жизни. Стану мило шутить и улыбаться. И пусть в будущем люди приходят к нам в театр, смеются и думают: «Как хорошо, что устарел у Райкина репертуар. Ему уже и ставить-то нечего, вот он и вспоминает, какой большой путь прошла наша страна». Пусть это случится как можно скорее. Пусть уже в новом, 1972 году, я буду только рад.

В. КИРИЧЕНКО.

ТУДОВА
МОСКВА
Х.У ЯНВ 1972